

— Поторопитесь, старик Третий, вон у соседей на балконе уже электроплитку скинули!

На балконе одной из общежитских комнат на шестом этаже трое громил в одних трусах рвали на себе волосы, до того им хотелось самим сигануть вниз — уж их-то выходка наверняка затмила бы все остальные комнаты.

— Иду, иду! От такого бабаха наш 627-й станет абсолютным номером один выпуска двенадцатого года! Получите-е-е!

Ло Вэнь, наряженный точно так же — лишь в одних трусах, с кряхтением приволок на балкон тяжелый кинескопный монитор от старого компьютера и, испустив звериный вопль, швырнул его вниз.

Раздался оглушающий грох, за которым последовала злая, раскатистая ругань.

Оказалось, парни из нескольких комнат этажом ниже повытягивали шеи, точно детеныши жирафа, чтобы получше поглазеть на представление. Огромный монитор пролетел в считанных сантиметрах от их голов, а поднятый им свирепый ветер растрепал им прически — мало того, чуть не прибил ненароком. Как тут не ругаться?

Ло Вэнь лишь ухмылялся в усы, пропуская ругань мимо ушей. Монитор-то не его — грохнуть такую вещь с высоты было чистым кайфом!

— Кто швырнул? Кто из вас бросил?! Я сейчас поднимусь и каждого за шкурку вытащу! — разъяренно взревел начальник студенческой охраны.

Хотя каждый год в это время в женских общежитиях стоял массовый ор перепивших студентов, а из мужских окон летели термосы, подушки и прочий крупногабаритный скарб, сегодня сам начальник охраны лично прибыл навести порядок — и надо же такому случиться, что прямо у его ног со звонким треском разорвался чей-то термос! Упади он чуть правее — и быть беде!

Не думайте, раз завтра выпуск, управы на вас не найдется. Пока вы хоть день остаетесь в институте, у меня тысяча способов скрутить эту шпану в бараний рог.

Грозный рев начальника охраны подействовал безотказно: подоконники в мужском общежитии вмиг опустели.

— Ха-ха, ну и дурак же этот хмырь... А-а-а...

Ло Вэнь заливался смехом, не соображая, какой кретин дернул его за язык, как вдруг земля ушла из-под ног, и он сам полетел вперед, вывалившись за ограждение балкона. Глянув наверх, он с ужасом понял, что на балконе толпятся вовсе не сокурсники, а трое перемазанных кровью зомби, а разъяренный внизу начальник охраны вырос до трех-четырех метров и превратился в

Геракла. На его свирепом лице застыла злобная улыбка, а огромный кулак заслонил собой весь свет, оставив лишь непроглядную, бесконечную тьму.

— А-а-а!

С пронзительным криком Ло Вэнь резко сел на кровати. Тьма рассеялась, и глазам предстала бескрайняя белизна — такая стерильная и безупречная, что от нее мгновенно отступало внутреннее напряжение. Следом накатила жгучая, словно прилив, боль, от которой он снова рухнул на матрас.

— Хе-хе, я не умер... Хе-хе, я не умер... Хе-хе, я не умер...

Уткнувшись взглядом в белый потолок, Ло Вэнь бормотал что-то себе под нос, а на его лице блуждала такая дурацкая улыбка, что с первого взгляда его запросто можно было принять за буйного из психбольницы.

— Эй, братец, хорош бубнить, а? Дай поспать.

Сбоку послышался недовольный голос. Только теперь Ло Вэнь заметил, что белая палата заставлена односпальными койками, и на каждой кто-то лежит. Выглянув в окно, он разглядел за стеклом непроглядную ночную тьму. Сообразив, в чем дело, Ло Вэнь тут же замолчал и зажмурился, пытаясь прийти в себя.

— Слышь, тебе ведь кошмар приснился, да? — не унимался сосед.

Ло Вэнь приоткрыл глаза. Сосед оказался парнем его лет, с правильными чертами лица, широкими бровями и открытым, волевым взглядом.

— Сколько я был без сознания?

— Да с самого моего прихода валяешься. Дней пять-шесть, наверное.

Значит, прошло по меньшей мере пять суток. Поразмыслив над этим, Ло Вэнь попытался сдвинуться с места, но в груди тут же полыхнуло огнем.

— Как же я тебе завидую. Ты хоть целую неделю пролежишь здесь, а меня завтра отправляют в город — зачищать зомби. Вернись ли живым — большой вопрос.

В голосе паренька проскользнула горькая тоска.

Когда катастрофа только набирала обороты и ситуация вышла из-под контроля, верховное

руководство под прикрытием регулярных войск и в сопровождении других чиновников эвакуировалось на секретную военную базу в заброшенной пустыне. Там, за надежной броней многотысячной армии, они через спутниковую связь отдавали приказы об уничтожении ходячих мертвецов.

Крупные города к тому моменту уже пали. Повсюду кишели зомби и жуткие, невероятно сильные мутировавшие монстры, поэтому верхи приняли волевое решение: выжигать городские кварталы коврами бомбардировками. Днем и ночью на руины сыпались зажигательные и фугасные снаряды неизмеримой разрушительной силы. Трое суток напролет гремели взрывы, после чего в израненные кварталы, ведомые ударными вертолетами и бронетехникой, вошли армейские подразделения для поуровневой зачистки. Иногда среди пепелища удавалось отыскать парочку выживших — и тогда оставалось только поражаться цепкости человеческой природы, умудрившейся уцелеть в тисках между лапами зомби и небесным огнем.

— И к чему этот геморрой? Скинули бы атомную бомбу — и дело с концом, — блеснул железобетонной логикой мудрый и прозорливый Ло Вэнь.

— Тц.

Паренек открыто презрел проницательность Ло Вэня:

— Ты думаешь, ядерная бомба — это тухлое яйцо, чтобы швыряться ими налево и направо? Даже если бы и так, мы с тобой до такой роскоши не доросли — наш город даже трехдневной бомбардировкой не удосужились накрыть целиком. К тому же чего-чего, а людей у нас всегда было с избытком!

Говорили, что на том берегу океана ядерным оружием швырялись охотно, и некоторые страны тут же последовали их дурному примеру. И тут началось! Пусть бомбы взрывались в разных точках планеты, поднявшиеся тучи радиоактивной пыли ужаснули всех.

Что еще хуже, как показали последующие проверки, за исключением тех зомби, которых ударная волна в эпицентре стерла в порошок, остальным мертвякам радиация оказалась до лампочки. Как жрали человечину, так и продолжали жрать, а кое-кто под воздействием лучей и вовсе мутировал, став еще сильнее — куда уж там обычным чудовищам. А вот простым горожанам, укrywшимся в городах, не повезло: их ядерный пепел смел подчистую. Настоящая черная полоса.

Так что выжигать зомби атомом можно было лишь методом сплошного коврового бомбежки. Но тогда от человечества остались бы рожки да ножки — прямиком к предкам на покой.

Потоптавшись на месте, лидеры ядерных держав сошлись на том, что разбрасываться бомбами нельзя. Применять их разрешалось только в крайнем случае — выбирая самые безнадежные мегаполисы с пятиmillionным населением и выше, чье спасение признано невозможным. Все остальное предстояло разгрести силами авиации, артиллерии и ракетных войск. Тогда же был

установлен так называемый критический порог истребления: стоило глобальной ситуации дойти до этой черты, и ядерный арсенал пустят в ход без колебаний. Раз уж человечеству все равно суждено сгинуть, о чем тут жалеть? Гулять так гулять — палить пока не содрогнется земля и не высохнут океаны.

В то же время ведущие ядерные державы призвали все страны в этот судьбоносный час отбросить прежние распри, объединить усилия, наладить обмен информацией и ресурсами, чтобы рука об руку преодолеть смертельную угрозу. Поговаривали даже, будто эти державы ведут переговоры о создании глобального наднационального органа, который превзойдет ООН по своим полномочиям, сконцентрирует все стратегические ресурсы планеты и позволит человечеству дать отпор катастрофе.

Правду ли рассказывал парень или просто заливал соловьем — бог весть. Ло Вэня куда больше волновал другой вопрос: озвученный соседом план распределения ресурсов, принятый нынешним правительством.

Обладаешь полезным навыком или ремеслом? Добро пожаловать в безопасную зону под защитой армейских частей где-нибудь в глухих степях — будешь трудиться на благо общества, производя и обслуживая все необходимое. Нет никаких навыков? Тоже не беда, автомат-то удержать сможешь? Марш в пехоту, чистить города от зомби! Работа смертельно опасная, зато гарантирует миску похлебки. На этом свете даром хлеб никто не ест — разве что у тебя влиятельные папа с мамой. Ло Вэню не повезло: ни полезных умений, ни влиятельной родни у него не было, так что он угодил в печальный список пушечного мяса.

Вывод напрашивался сам собой: полезное ремесло — залог сытой жизни в любые времена и в любом месте.

Только вот жалеть о чем-то было уже поздно.

<http://bllate.org/book/21114/2142626>